

УДК 821.161.1

*Е.В. Шохина***ЗИМА КАК ОТРАЖЕНИЕ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА
В ПОЭЗИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА**

В статье рассматривается мало изученная на сегодняшний день в литературоведении проблема, связанная с исследованием художественной роли времен года в поэтических произведениях русской литературы. Анализируется, в частности, образ зимы в поэтических текстах начала XIX века, а также тесно сопряженный с ним и феномен «русского национального характера». Центральным объектом изучения является поэзия П.А. Вяземского как одного из первооткрывателей русской природы в литературе. Автор статьи приходит к выводу о том, что образ зимы строится как амбивалентный в поэтическом восприятии – это и время старости/умирания, и духовного подъема человека, и время поэтической творческой активности. Зима персонифицируется у многих поэтов в образах то матери, то юной девушки, что отражает несомненную любовь народа к этому морозному времени, а ее воплощение в образе старухи закономерно, ибо отражает усыпляющую функцию этого времени года в природе. Такая противоречивость сопрягается с русским менталитетом, который ярче проявляется на фоне образов иностранцев и их отношения к зиме.

Ключевые слова: поэтика времен года XIX века, зима, мотив, национальный характер, П.А. Вяземский.

Говоря о климатологии русских текстов начала XIX в., невозможно не обозначить взаимосвязь климатических особенностей России и общих знаковых литературных тем и мотивов, появляющихся в творчестве поэтов этого периода. В XVIII – начале XIX вв. в глазах европейцев Российская империя была заснеженной и дикой страной, в которой проживали «мифические скифы» [2]. Темы национального характера и народности, не лишённые климатических коннотаций, актуализируются в сознании представителей русского интеллектуального сообщества с начала 1820-х годов. Такие «рассуждения о русском национальном характере подпитывались, как можно думать, прежде всего патриотическими настроениями» [2]. Поиски исторических корней и национального своеобразия определяли общественное настроение эпохи. Тематика изображения национальной природы пронизывала не только литературную, но и музыкальную сферу: так, особое значение для развития русской культуры имело творчество М.И. Глинки, чье искусство опиралось на народное творчество и на идеи патриотизма.

В конце XVIII – начале XIX в. феномен «национального» сопрягается, в первую очередь, с задачей самоидентификации русского народа. Именно П.А. Вяземский сознательно поставил перед поэзией задачу быть национальной в выборе тем и мотивов, что отразилось в его лирике резким преобладанием зимних мотивов: «специфику национального характера» он связал «с любовью к зиме» [8].

В программном стихотворении «Первый снег» П.А. Вяземский противопоставил достоинства южного и северного климата – в пользу последнего [2], став одним из первых пропагандистов романтического национального колорита [12]. Настаивая на народности «Первого снега», поэт прежде всего отмечал свой слог, свой «выговор»: «Тут есть русская краска, чего ни в каких почти стихах наших нет...» [9].

В стихотворении «Первый снег» он резко отклоняется от условного, отрешенного от повседневной действительности развития лирической темы, в качестве фона выдвигая описание русской зимней природы. Вначале автор намеренно выделяет зиму как явление «пасмурной», «полуночной» природы севера: «Сын пасмурных небес полуночной страны, / Обвыкший к свисту выюг и реву непогоды, / Приветствую душой и песнью первый снег» [3].

Первый снег увязывается с праздником света, сияющим зимним солнцем, заставляющим померкнуть весну: «Лазурью светлую горят небес вершины; / Блестящей скатертью подернулись долины, / И ярким бисером усеяны поля» [3].

Противопоставление русских иностранцам – немцам и полякам – превращается в один из способов символической репрезентации «народности», причем немалую роль здесь играет легко узнаваемая ирония Вяземского: «Нет приличного приема, / И народ не на юру. / Не сумеет им, немцам этим, / Поздороваться с тобой» [3]. Зимняя погода: мороз, холод, снег – губительна для иностранцев: «“Что для русского здорово, / То для немца карачун!”», «Если немца взять врасплох, / А особенно зимою, / Немец – воля ваша! – плох» («Масленица на чужой стороне») [3]. Эти строки отсылают к расхожей поговорке о немцах, зафиксированной В.И. Далем: «Что русскому здорово, то немцу смерть» [5].

Ответ на вопрос, почему зима хороша для русских и губительна для иноземцев, стоит искать в русской литературе, «густо» заселенной героями-иностранцами [7]. Образы немцев, французов, англичан в произведениях русских авторов той эпохи даются, как правило, в сатирическом ключе, что связано с двумя аспектами: историческим и мифологическим. С одной стороны, становление национальной культуры в XIX веке происходило на путях преодоления западной культуры, в отличие от века XVIII, когда западная культура распространилась на все сферы жизни [7]. С другой стороны, образ иностранца служил воплощением «чужого», которое пугало мифологическое сознание язычника. В представлении славян «свое» осмыслялось как место защиты, как убежище, тогда как «чужое» превращалось в локус, полный опасностей и даже потусторонних демонических сил [10]. Отсюда все иностранные обычаи, языки, манеры, внешность воспринимались русскими как смешные, непонятные, нелепые и всячески высмеивались.

Принято считать, что А.С. Пушкин начинает традицию отрицательного изображения немцев в литературе [7], однако эта тенденция проявляется уже в лирике Вяземского. На фоне чужой культуры ярче вырисовывается русский национальный менталитет, характер и обычаи: Россия предстает как бы «со стороны».

П.А. Вяземский становится тем первым поэтом, который выражает не просто любовь русских к холодному времени года, а создает такое описание зимы, в котором отражается ее «контрастное» влияние на русский характер. Приближение холодов, последующих за первым снегом, не усыпляет, но зовет к пробуждению [13]. Узаконивая тему зимнего «пылания» сердец, подхваченную затем А.С. Пушкиным, П.А. Вяземский пишет: «О, пламенный восторг! В душе блеснула радость, / Как искры яркие на снежном хрустале. / Счастлив, кто испытал прогулки зимней сладость!» [3]

По своей образности элегия Вяземского «Первый снег» сопоставима со стихотворением Пушкина «Зима. Что делать нам в деревне?». Однако, если у Вяземского праздничное начало питает весь текст, у Пушкина вначале говорится о зимней скуке и апатии, которые лишь в последних строках сменяются восторженным и радостным чувством, сопряженным с мотивами «огня» / «жара»: «Но бури севера не вредны русской розе. / Как жарко поцелуй пылает на морозе! / Как дева русская свежа в пыли снегов!» [11]

Календарная семантика, без сомнения, выступает компонентом художественного сообщения поэта, поэтому так важно, что стихотворение П.А. Вяземского «Зимние карикатуры» (1828 г.), являясь родом стихотворного фельетона, на три четверти посвящено зарисовкам зимнего путешествия в кибитке. В финале эти зарисовки непосредственно переходят в остросатирическое изображение московского барства. В передаче обыденных явлений Вяземский часто приближается к пародии, карикатуре, воспринимая «низкую» природу отчасти в смеховом плане. Однако хоть и в шуточном ключе, но все же во второй части под названием «Кибитка» появляются зимние inferнальные мотивы, связанные с упоминанием ведьм, бесов, чертей, домовых: «Иль шерстью с зверя царства тьмы / Набил их адский пересмешник, / И, разорвав свой саван, грешник / Дал ведьмам наволки взаймы» [3].

Третья часть под заголовком «Метель» дает возможность говорить о зарождении «метельного» текста русской литературы [8]. В этой зарисовке прослеживается подробное описание зимней выюги с сопутствующим ей мотивом нечистой силы. Возникновение метели инициировано «косматым врагом» — чертом, что отсылает к святочным сюжетам и одновременно начинает новый inferнальный вариант сюжета метели: «Тут к лошадям косматый враг / Кувыркнется с поклоном в ноги, / И в полночь самую с дороги / Кибитка на бок — и в овраг» [3].

С первой же строчки: «...вдруг не видно зги» — П.А. Вяземский соединяет метель с тьмой, что в дальнейшем станет классическим приемом описания выюги / бури. Тьма, корреспондирующая с метелью, дает о себе знать и в стихотворении «Еще тройка», имеющем разговорную форму непринужденной, неторопливой беседы с читателем, иногда шутивно-серьезной, всегда эмоционально-сдержанной [12]. Описания самой выюги в этом тексте нет, но есть ночной зимний пейзаж. Изображенная здесь бедная, однообразная природа раскрывается поэтом в элегически-задушевной тональности, близкой к пушкинской: «Словно леший ведьме вторит / И аукается с ней, / Иль русалка тараторит / В роще звучных камышей» [3].

В стихотворении «Метель» месяц на фоне темноты выступает как один из постоянных спутников ночи: «Прянул месяц из-за тучи, / Обогнул свое кольцо / И посыпал блеск зыбучий / Прямо путнику в лицо» [3].

Одним из устойчивых мотивов зимы у Вяземского становится мотив пустоты / пустыни, в основе которого лежит ассоциация заснеженных просторов с бесконечной пустотой: «Месяц в облако нырнул, / И в пустой дали глубоко / Колокольчик уж заснул» («Еще тройка») [3]; «Степь бесконечная и снега / Необозримый океан» («Зимняя прогулка») [3].

П.А. Вяземский глубоко чувствует связь пустынных, снежных и морских просторов, поэтому мотив плавания является одним из основных в его «зимней» лирике, а снега предстают как море. Это мы видим не только в «Зимней прогулке», но также в стихотворении «Ухабы. Обозы», в котором лирический герой из окна своей кареты разглядывает русскую жизнь [12]: «Какой свирепый ураган / Стоячей качкою, волнами без движенья / Изрыл сей снежный океан?» [3]. Обозы превращаются в корабли, которые «из пристаней степных пойдут за барышом», а сугробы снега оказываются «хребтами замерзнувшей волны». Поэт прямо указывает на то, что кибитка становится «ладьей», которая «ныряет» по волнам снега.

П.А. Вяземский является первооткрывателем русской зимней природы для самих русских, причем в этой поэзии нет мрачного изображения зимы. Помимо ее поэтизации в лирике Вяземского, как и других поэтов XIX века, возникает тенденция персонификации зимы то в образе старухи, то юной девы, то волшебницы, то матери. Зима у Вяземского сходна с образами фольклорных текстов: *русская молодка, раскрасавица-душа, матушка зима*, что еще раз подчеркивает характерную тенденцию отражения русского менталитета и «русской души» в этом времени года.

В лирических текстах многих поэтов XIX в. отношения между зимой и русскими выстраиваются по принципу родства: зима предстает матерью, а русские люди – детьми («сынами»). К примеру, в стихотворении Батюшкова «Переход через Рейн» читаем: «Мы здесь, сыны снегов, / Под знаменем Москвы с свободой и с громами!..» [1], а у Дельвига в «Русской песне»: «Тебя, россиян мать, на лире воспою, / Зима!» [6].

Этот же принцип «работает» и у Вяземского: поэт призывает приятелей не забывать «северных друзей», подчеркивая самую важную характеристику русских – принадлежность к северу, морозам, зиме. Родственные чувства к зиме позволяют поэту назвать «наш... мороз» «доморощенным» («Царскосельский сад зимою»).

Ассоциативная связь «зимы» и «старости», прослеживающаяся в лирических зимних текстах русской литературы, является закономерной в силу естественных метаморфоз в природе и фольклорных традиций. Климат русской зимы суров, растения теряют свои краски и жизненные силы, впадая в сонное оцепенение, поэтому неудивительно, что издревле многие народы приравнивали зиму к последнему этапу в человеческой жизни – старости. А.Н. Афанасьев в «Поэтических воззрениях славян на природу» описывает западные мифы (германские и норвежские), в которых злая старуха воплощает собой зиму, а весна – юность.

«Но поздняя осень настанет: / Природа *состарится* вдруг...» [3]. В стихотворении «Зима» старухой П.А. Вяземский делает саму природу, которая покрывается морщинами и погружается в сон именно из-за приближения зимы: «И тихо уложит старуху, / И скажет ей: спи, наша мать!» [3]. Поэт растягивает действие зимы на целые полгода, в течение которых в мире остается только месяц, вьюга и тоска, сопряженная со смертью, что подчеркивается образами «снежного одра», являющегося не только постелью, но и носилками для перемещения тела покойного, и природы – «старушки, убитой сном».

В стихотворении «Царскосельский сад зимою» зима, также усыпляющая, почти умерщвляющая природу, изображена в позитивном ключе: «Окован сад броней алмазной / Рукой волшебницы седой» [3]. Автор признается в том, что он любит и такое «опочившее» состояние природы, имеющее признаки сказочного образа (природа уподобляется Спящей Красавице): «Природа в узах власти гневной, / С смертельной белизной в лице, / Спит заколдованной царевной / В своем серебряном дворце» [3].

В стихотворении «Масленица на чужой стороне» зима предстает как молодая девушка, красивая, нарядная и родная для русских: «Ты живительной улыбкой, / Свежей прелестью лица / Пробуждаешь к чувствам новым / Усыпленные сердца»; «Здравствуй, русская молодка, / Раскрасавица-душа, / Белоснежная лебедка, / Здравствуй, матушка зима!» [3]. В этих строках заключается ответ на вопрос, почему зима может быть явлена в образе то *старухи*, то *юной девушки*: в самом начале холодного времени года после слякотной и серой осени первые морозы, первый снег дарят русским людям энергию, оживляют сердца и души. Воплощая молодость и сияние, зима несет обновление. В стихотворении «Зимняя прогулка» Вяземский уверенно утверждает, что в зиме есть и прелесть, и обаяние: «Есть прелесть в сей красе суровой, / Есть прелесть в молодой зиме» [3]. Аргументацией служит связь зимы с волшебством и чудесами: деревья оделись в серебряный наряд, снег стал пушистым

ковром, покрывающим поле, природа «гордится» «зимнею обновой», и даже сани становятся «волшебным челном». Однако с течением зимних месяцев отношение людей к этому времени года меняется: виной тому морозы, яростные метели, бураны, погружающие все вокруг в сонное оцепенение. В таком полярном восприятии *зимы* проявляется амбивалентность русского характера, как и в соположении мотивов «жара / льда».

Наряду с положительными коннотациями в зимних текстах Вяземского осмысливается и другой образ зимы – той, которая приносит увядание и смерть. Поэт прямо заявляет: «Когда я был душою молод, / С восторгом пел я первый снег...» [3], связывая свою молодость с радостным восприятием мира в целом, теперь же «в летах и чувствах устарелый» герой проводит параллель между роковым увяданием природы и человека. Сопрягается с этим стихотворением «Осень» Гнедича, где автор приписывает старение человека влиянию внешних факторов: «На крыльях времени безмолвного летят / И старость и зима, гроза самой природы; / Они, нещадные и быстрые, умчат, / Как у весны цветы, у нас молодые!» [4].

В художественном мире П.А. Вяземского лирический герой зимой либо погружается в состояние мечтательности: («Зимней степи сумрак скучный, / Саван неба, облака! / И простертый саван снежный / На холодный труп земли! / Вы в какой-то мир безбрежный / Ум и сердце занесли. / И в бесчувственности праздной, / Между бдения и сна, / В глубь тоски однообразной / Мысль моя погружена» («Дорожная дума» [3], «Иду один я в сад пустынный / Бродить с раздумием своим...» («Царскосельский сад зимою» [3]), либо ощущает прилив творческой энергии, активизирующейся именно в это время года: «Мчатся удалые кони, / Режут воздух на лету; / В этой ухарской погоне / И в мороз они в поту...Только звонко застрекочет / Колокольчик-стрекоза, / Рифма тотчас вслед наскочит, / Завертится егоза» («Дорогою» [3]. При этом тяга к творчеству пробуждается во время пешей прогулки или скачки на лошадях, что отражается даже в самих названиях стихотворений: «Есть обаянье, грусть и нега, / Поэзия и чувств обман; / Степь бесконечная и снега / Необозримый океан» («Зимняя прогулка» [3].

Обобщая основные идеи, заложенные в зимних текстах П.А. Вяземского, можно сказать, что в изображении снежного времени года поэт ориентируется на патриотические настроения своей эпохи и следует тенденции упрочения национальной тематики, дающей о себе знать практически во всех культурных сферах. Поэт выстраивает модель «зимнего» поведения русских людей, причем по контрасту с поведением иностранцев. На первый план выдвигаются положительные коннотации зимы: как в бытовом плане, так и в творческом она активизирует энергию и жизненный тонус. Ситуации вдохновения различны: это и уединение у камина, и зимняя прогулка. Образ зимы в лирике Вяземского является многогранным, отражает амбивалентность русского характера, намечая магистральные линии развития «зимнего текста» русской литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батюшков К.Н. Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1964.
2. Богданов К.А. Климатология русской культуры. Prolegomena // Новое литературное обозрение. № 99. 2009. С. 59-97.
3. Вяземский П.А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1982.
4. Гнедич Н.И. Стихотворения. Л., 1956.
5. Даль В.И. Пословицы русского народа. Т.1. М., 1984.
6. Дельвиг А. Сочинения. Л., 1986.
7. Забровский А.П. К проблеме типологии образа иностранца в русской литературе // Россия и Запад: диалог культур. М., 1994. С. 85-107.
8. Нагина К.А. Метельные пространства русской литературы. Воронеж, 2011.
9. Остафьевский архив князей Вяземских. Т. II. СПб., 1899.
10. Панова Е.П., Тюменцева Е.В. Образ иностранца в фольклорном и художественном текстах, литературном анекдоте XVIII –XIX веков и современном анекдоте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1, ч. II. С. 82-87.
11. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 19 т. Т. 3. М., 1994.
12. Семенко И.М. Поэты пушкинской поры. М., 1970.
13. Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М., 1990.

Поступила в редакцию 20.08.15

*E.V. Shokhina***WINTER AS A REFLECTION OF RUSSIAN NATIONAL CHARACTER IN THE POETRY OF EARLY XIX CENTURY**

The paper deals with the insufficiently explored problem related to the investigation of an artistic role of seasons in the Russian poetry. In particular the image of winter is analyzed in poetic texts of the beginning of XIX century, as well as the phenomenon of "Russian national character" that is closely related to it. The central object of our investigation is the P.A. Viazemskiy's poetry as one of the pioneers of Russian nature in the literature. The author concludes that the image of winter is constructed as ambivalent in the poetic perception – it is the time of oldness / death, spiritual uplift of a man, and the time of poetic creativity. Winter is personified by many poets in the images of a mother, a young girl, which reflects people's love to this frosty time. Winter's visualization as an old woman is regular because of its soporiferous function in nature. Such inconsistency is mated with Russian mentality which is more evident against the background of images of foreigners and their relationship to winter.

Keywords: poetics of seasons of the XIX century, winter, motive, national character, P.A. Vyazemskiy.

Шохина Елена Викторовна, аспирант
ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный
университет»
394006, Россия, г. Воронеж, пл. Ленина, 10 (корп. 2)
E-mail: shoelen@mail.ru

Shokhina E.V., postgraduate student
Voronezh State University
394006, Russia, Voronezh, Lenina sq, 10/2
E-mail: shoelen@mail.ru